

чей дочь посла, движимая страстью к научному эксперименту, оставила возле постели включенный магнитофон, однако когда собственными ушами услышала омерзительный, будто с того света, голос — такой знакомый и одновременно абсолютно чужой, — настолько перепугалась, что тут же стерла запись. Но стереть не значит забыть. Что есть, то есть, от этого никуда не денешься.

К счастью, горячечные периоды сомнамбулической речи бывали краткими, но, когда заканчивались, некоторое время она лежала пластом, вся в поту, часто и трудно дыша, словно после быстрого бега, а затем проваливалась в тяжелый сон без сновидений. Вдруг просыпалась и долго не могла понять, где она и что с ней. Знала одно: в ее спальне кто-то есть. На самом деле никто к ней не входил. Являлось ей некое осязаемое во мраке присутствие отсутствия. У нее не было матери. Мать родила ее и умерла. Об этом ей сообщила жена посла, и посол, ее отец, это подтвердил. Мать была кашмиркой и утрачена была навсегда, как рай, как сам Кашмир. (Ей Кашмир и представлялся раем, и все, кто знал ее, вынуждены были принять это как аксиому.) Она вглядывалась во мрак, трепеща перед этим осязаемым отсутствием, этим бессловесным стражем — провалом в темноте, и с замиранием сердца ждала следующей, еще одной беды, — ждала, сама не зная, что ждет.

После смерти отца — ее великолепного отца, гражданина мира, наполовину француза, наполовину американца (“Как Статуя Свободы”, — сказал однажды он — ее обожаемый и осуждаемый, ее постоянно отсутствовавший, циничный отец, непоседа и соблазнитель) — к ней вернулся спокойный сон, будто от нее отвели проклятие. Словно она была прощена. Или он. Бремя греха было снято. Хотя она и не верила, что грех как таковой вообще существует.

Вплоть до смерти отца мужчинам было нелегко ладить с ней в постели, хотя в желающих недостатка не ощущалось. Сексуальные домогательства мужчин тяготили ее. Собствен-

ные ее желания оставались большей частью нереализованными. Из тех, с кем она переспала — а таких было немного, — ни один по той или иной причине ее не устроил. И поэтому (как бы для того, чтобы закрыть тему) она остановилась на заурядном субъекте и даже серьезно подумывала, не принять ли его предложение. Ну а потом... потом посла зарезали на пороге ее дома — зарезали, как цыпленка для халяльного стола, и он истек кровью от глубокой раны, нанесенной острым ножом. И это средь бела дня! Как, должно быть, блестяло лезвие в золотистых лучах утреннего солнца. Независимо от того, считать ли этот вечно ясный лик благословением для города или его проклятием. Дочь убитого принадлежала к той категории женщин, которые ненавидели безоблачное небо, однако ничего другого большую часть года этот город ей предложить не мог. Соответственно, ей оставалось только смириться с унылой чередой безоблачных месяцев, с иссушающим зноем, от которого трескалась кожа. В те редкие дни, когда, проснувшись, она ощущала в воздухе подобие свежести и видела, что небо затянуто тучами, она сладко потягивалась, выгибая спину, и на краткий миг чувствовала себя почти счастливой. Однако к полудню солнце неизменно сжигало облака без остатка, и с неба, обманчиво голубого, как делавшие мир чистым и светлым стены детской, снова нагло скалилось светило — будто человек, позволивший себе слишком громко расхохотаться в ресторане.

В таком городе не было места полутонам, во всяком случае так казалось на первый взгляд. Все здесь выглядело всегда до примитивности однообразно, без полутонов — ни тебе морозящего дождика, ни тени, ни пронизывающего холодного ветра. От пристального ока такого солнца нигде было спрятаться. Всюду и везде люди были на виду, словно манекены в витрине. Их тела, едва прикрытые одеждой, блестяли на солнце, и больше всего они напоминали ей персонажей с рекламных плакатов. Казалось, здесь не может быть места

ни для тайн, ни для глубоких чувств — всё на поверхности. Однако, чем больше ты узнавал этот город, тем отчетливее понимал, что эта банальная прозрачность не что иное, как великая иллюзия. На самом деле это был город-обманщик, город-лжец, предатель и перевертыш, город — зыбучий песок. Он умело скрывал свою истинную природу и надежно прятал свои тайны. В подобном месте силы зла и разрушения не нуждались в покрове темноты. Они слепили глаза даже при свете дня, испепеляя все своим смертоносным пламенем.

Ее назвали Индия. Свое имя она не любила. Где это слышно, чтобы людям давали такие имена, как Австралия, или Перу, или, скажем, Ингушетия?! В середине шестидесятых ее отец Макс Офалс, родившийся в Страсбурге (то есть во Франции, поскольку это было еще в другую эпоху), был самым популярным и, пожалуй, самым скандально известным послом Америки в Индии. Пусть так. Но детям не портят жизнь такими именами, как Герцеговина, Турция или Бурунди, лишь потому, что их родителям случилось посетить эти страны (и, возможно, быть оттуда выдворенными с позором). Ладно: ее зачали на Востоке вне брака, и родилась она в самый разгар скандала, который внес разлад в семейную жизнь отца и разрушил его брак, а также положил конец его дипломатической карьере. Все так. Но если считать это достаточным основанием для того, чтобы навешивать на детей подобные имена, словно бирки на лапы альбатросов для определения мест их гнездовий, то в мире было бы полно людей с такими, скажем, именами, как Евфрат, Пиза, какой-нибудь там Истаксиуатль или Вуллуму, хотя в Америке, черт ее побери, подобные наречения не редкость, что несколько ослабляло логику ее рассуждений и, честно говоря, немало ее злило. Таким как Невада Смит, Индиана Джонс и Теннесси Уильямс она мысленно слала свои проклятия и осуждающе тыкала в них пальцем.

Так или иначе, имя Индия не подходило ей никоим образом. Оно было экзотично, колониально и с претензией

на принадлежность к чуждой ей реальности, и она внушала себе постоянно, что для нее оно совсем не годится. Она не ощущала себя Индией, несмотря на смуглое, с ярким румянцем лицо и длинные черные волосы. Она не желала ассоциаций ни с простором, ни с необычностью поведения и темпераментностью, ни с перенаселенностью; не хотела быть ни древней, ни шумной, ни таинственной, избави боже! Ни за что не желала иметь отношение к стране третьего мира. Совсем наоборот: она позиционировала себя как женщину, умеющую владеть собой, особу ухоженную, чуткую, созерцательную, спокойную. Говорила с английским акцентом, никогда не горячилась, напротив — всегда держала себя холодно-отстраненно. Такой она хотела быть и такой она себя усердно, целенаправленно культивировала. Такой она представлялась всем, кто ее когда-либо встречал, за исключением отца да любовников, напуганных до смерти ее ночными эскападами. Что касается ее внутреннего мира, скандального периода ее пребывания в Англии и разного рода правонарушений с вмешательством полиции, а также других не получивших огласки эпизодов ее коротенького, но богатого событиями прошлого, то это все обсуждению не подлежало и не представляло интереса для широкой публики. Трудный подросток продолжал в ней жить — но уже в некоем сублимированном виде: он выражал себя через опасные развлечения, через еженедельные занятия боксом в клубе на углу бульвара Санта-Моника и Вайн-стрит (где, как известно, тренировались Тайсон и Кристи Мартин и где холодная ярость ее ударов по груше заставляла профессиональных боксеров-мужчин застывать на месте), а еще через тренировки с точь-в-точь похожим на Берта Квука мастером восточных единоборств Вин Чунем. Испорченный ребенок давал о себе знать и в раскаленном безлюдье выжженного солнцем куска пустыни за черными стенами стадиона в стрелковом клубе Зальцмана, где каждые две недели она упражнялась в стрель-

бе по движущимся мишеням. Однако наиболее сильные ощущения ей удавалось испытать во время тренировок в стрельбе из лука в самом сердце Лос-Анджелеса, в Элизиан-парке, где, собственно, и зародился этот город и где обретенную ею способность к самоконтролю в целях обороны можно было использовать для нападения. Когда она натягивала свой золотистый, олимпийского стандарта лук, когда чувствовала на губах прикосновение тетивы и время от времени дотрагивалась кончиком языка до древка, то испытывала пьянящее возбуждение; с наслаждением ощущала она биение крови в висках в последние секунды перед выстрелом, и наконец — о сладкий миг! — пущенная стрела летела, давая выход затаенной, душившей ее ярости, и у нее восторженно замирало сердце от далекого, еле слышного звука, означавшего, что стрела попала в цель. Лук как оружие был ей милее всего.

Странные зрительные галлюцинации, когда внезапно перед ее глазами появлялись и тут же исчезали некие картины, она умела отличать от реальности и научилась держать под контролем. В моменты, когда ее прозрачные, светлые глаза видели не то, что перед нею находилось, ее четко работающий мозг тут же ставил все на свои места. Она не желала раздумывать по поводу этих превращений, никогда не рассказывала о своем детстве и утверждала, что не помнит снов.

В день, когда ей исполнилось двадцать четыре, ее навестил отец-посол. Он позвонил в дверь, и с балкона четвертого этажа она увидела, как он стоит под палящими лучами полуденного солнца в идиотском шелковом костюме, словно старый ловелас. Еще и с букетом.

— Люди могут подумать, что ты мой любовник! — крикнула она сверху. — Что ты мой Валентин, который жаждет утащить крошку из колыбели прямо под венец.

Она обожала его таким — смущенным и растерянным, любила его, когда он стоял, болезненно морща лоб, чуть вздернув плечо к правому уху, и приподнимал руку, словно засло-

няясь от удара. Она смотрела на него сквозь призму своей любви, и его облик стал вдруг дробиться и радужно расплываться. Она наблюдала за стоявшим внизу, и неожиданно он начал уходить в прошлое, медленно-медленно удаляться, пока не исчез в необозримом космосе, подобно световому лучу. Так вот что такое утрата, вот что такое смерть! Это уход, бегство, растворение в невообразимых скоростях и бесконечных далях космоса. На самом краешке нашей галактики некое существо, представить которое невозможно, однажды приникнет к телескопу и узрит приближающегося Макса Офалса: в шелковом костюме и с букетом роз он будет подплывать все ближе и ближе, покачиваясь, несомый приливными световыми волнами. А сейчас с каждым мгновением он удалялся от нее все больше. Она зажмурилась, затем снова открыла глаза: да вот он — не улетел за миллиарды миль, не затерялся среди крутящихся колесом галактик. Подтянутый, учтивый, он пребывал здесь, на улице, где она жила. Он уже справился со своим смущением.

Из-за угла, со стороны парка, появилась девушка в спортивном костюме. Она направлялась прямо к нему, и было ясно, что на бегу она в обычных для современного общества терминах прикидывает, чего он стоит в смысле секса и денег.

Отец был одним из архитекторов послевоенного мира, его международных институтов, его экономических и дипломатических конвенций. В своем преклонном возрасте он все еще был сильным игроком в теннис — подача навывлет сильно закрученным мячом до сих пор приносила ему победу. Жилостное тело (жира — не более пяти процентов) в белоснежных брюках до сих пор легко перемещалось по корту. Зрителям он напоминал старого чемпиона Жана Боротра (не всем, разумеется, а тем немногим, которым доводилось Боротра видеть). Сейчас он с нескрываемым удовольствием истинного европейца разглядывал специфически американские груди бегуны под спортивным бюстгальтером. Когда она порав-

нялась с ним, он протянул ей розу из своего немислимых размеров букета. Она взяла ее. Затем, словно напуганная его шармом, его властным, с привкусом эротики жестом, который свидетельствовал о привычке подчинять, смущенная собственной реакцией, она прибавила скорость и понеслась дальше. Один-ноль в его пользу!

С соседних балконов женщины-иммигрантки из Центральной и Восточной Европы давно таращились на Макса — глядели восхищенно, с нескрываемым вождением беззубой старости. Для них его визит был самым значительным событием месяца. Обычно они сбивались в небольшие кучки и торчали где-нибудь на углу или рассаживались по двое, по трое вокруг бассейна во внутреннем дворе, бесстыдно напялив на себя наимоднейшие, ничего не прикрывающие купальные костюмы и непрерывно поглощая что-нибудь мучное или сладкое. Как правило, они спали до полудня, а потом жаловались на бессоницу. Все они давно схоронили своих мужей, с которыми прожили бок о бок кто сорок, а кто и пятьдесят лет ничем не примечательной жизни. Сутулые, скрюченные, с одинаково безучастными лицами, они сетовали на капризы судьбы, забросившей их на другой конец света, так далеко от родных мест. Они говорили на языках странных и непонятных, может, на грузинском, может, на хорватском или узбекском. Смерть мужей эти женщины воспринимали как предательство. Мужья были опорой для них, мужья обещали, что не подведут, а потом вдруг взяли да и отдали концы — кто на поле для гольфа, а кто и просто упав головою в суп с лапшой. И этим заключительным моментом они лишь подтверждали свою несостоятельность в целом и в качестве мужей в частности. Вечерами вдовы распевали песни своего детства — песни Балтики, Балкан, песни бескрайних просторов Монголии.

Попадались и мужчины-одиночки. Одни обитали в напоминавших полупустые мешки телах, для которых само зем-

ное притяжение казалось уже непосильным грузом; другие, заросшие седой щетиной, совсем опустившиеся, выходили на люди в замусоленных подтяжках и с незастегнутой шириной. Встречалась и еще одна разновидность: эти выглядели забавнее — одевались как франты и носили береты и “бабочки”. Время от времени эти фанфароны пытались завязать разговор со вдовами, но их улыбки, сопровождаемые желтым поблескиванием вставных зубов и меланхоличной демонстрацией наводящих тоску прилизанных прядей, выпущенных из-под лихо надетых беретов, имели однозначный эффект: они неизменно и с презрением игнорировались. Для этих старых попугаев сам вид Макса Офалса был оскорблением, а интерес к нему старых дам они воспринимали как унижение.

Индия видела их всех насквозь — и бесстыдно выставлявших себя напоказ похотливых старух, кокетливо и призывно глядящих с балконов, и исподтишка подсматривавших, исходящих желчью злобных стариков.

Домоправительница, пузатая Ольга Семеновна, в обтягивающем комбинезоне напоминавшая самовар, приветствовала посла с таким почтением, словно он был главой государства. Окажись у нее под руками ковровая дорожка, так она, наверное, расстелила бы ее для Макса.

— Она заставляет вас ждать, господин посол, — что тут скажешь, молодежь! Я не ропщу. Просто в наше время с дочками стало трудно — одни проблемы. Я и сама была когда-то дочкой, для меня мой папка был как бог. И чтоб я заставила его ждать?! Да ни в жисть! Ох-хохонюшки, трудно в наше время дочек воспитать. Вырастишь — и тут они тебя раз — и бросили одну. Я, господин хороший, тоже мать, только нынче они для меня все одно что умерли. Плевать я на них хотела. Вот так-то.

Сию тираду Ольга выдала, вертя в руке сморщенную картофелину. В этом ее последнем пристанище все называли ее не иначе как Ольга-Волга; по ее собственному утвержде-

нию, она являлась последней представительницей легендарного рода заклинательниц на картошке из города Астрахани. Да-да, истинный крест — настоящая колдунья, в чьей власти было посредством особых манипуляций с картофелиной вызвать любовь, одарить человека богатством или наслать на него порчу, чирьи. Когда-то, в далеком прошлом, где-то очень далеко отсюда, она вызывала у окружающих почтение и ужас, теперь же, последовав за влюбившимся в нее, но почившим в бозе моряком, оказалась в чуждом для нее окружении в западной части Голливуда, всегда в рабочем комбинезоне и с неизменным красным в белый горошек платком на голове, призванным скрыть редеющие седые волосы. В заднем кармане она постоянно носила гаечный ключ и отвертку. В той, прошлой, жизни она могла все: проклясть кошку, вылечить от бесплодия, сделать так, чтобы скисло молоко, в этой жизни она меняла перегоревшие лампочки, следила за исправностью плит и собирала арендную плату.

— Возьмите хоть меня, господин посол, — не унималась она, — я живу не в прежнем своем мире и не в теперешнем, не в Астрахани и не в Америке. Больше скажу: не в теперешнем, но и не в воследующем. Такие как я живут где-то между. Между воспоминаниями и повседневными заботами, про-
меж вчера и завтра — вот как я живу в этом краю потерянной радости и покоя, в месте обманно-тихом. Такая уж наша доля. Раньше думала — все о'кей. Теперь не думаю того, что думала. И нет у меня перед смертью страха никакого.

— Я тоже, мадам, гражданин этой страны, — вполне серьезно произнес он. — Я, как и вы, прожил здесь достаточно долго и потому получил гражданство.

Ольга родилась в нескольких милях к востоку от дельты Волги, там, откуда открывался вид на Каспийское море. Сообщив это, она переключалась на исторические катаклизмы двадцатого столетия, причиной которых была не иначе как картофельная ворожба. “Ясное дело, злые времена”, — вещала она,

обращаясь к балконным старухам, старикам возле бассейна и к Индии всякий раз, когда ей удавалось поймать ее где-нибудь и зажать в угол. Теперь то же самое она говорила послу Максу Офалсу, явившемуся поздравить дочь с днем рождения. — Ясное дело, нищета, а еще притеснения, гонения с места на место, солдатня, рабский труд; сегодняшние детки — им на все плевать, они обо всем этом знать не хотят. Я-то вижу, вы человек бывалый, тоже, небось, немало повидали на своем веку. Да уж, чего только не было! Опять же ссылки, одна забота — как выжить, а для того надо стать верткой да хитрой, как крыса. Правильно я мыслю? Ну и, как водится, посреди всего — мужчина, думка, как бы куда-нибудь с ним уехать, брак и — дети. А дети что? Дети завсегда тебя бросают, своя у них жизнь, а из твоей они уходят. А дальше — война, потеря мужа, вот горе-то, про такое лучше и не рассказывать. Опять переезд, опять вечный голод, измены, а потом вдруг — удача, другой мужчина, добрый, морская душа. Дальше — путь через море-океан. Запад поманил, понимаешь, переезд, всю страну исколесили; после — второй раз вдовой стала, у мужика век недолог — присутствующих, ясное дело, не считаю; мужчина — вещь непрочная, она скоро снашивается. Для меня мужчины всегда были как туфли. В моей жизни их было двое, и оба сносились. А после я, можно сказать, приспособилась ходить босая. Только я никогда не требовала от них ничего. Никогда. То, что мне надо, я всегда получала. Да-да, получала через свое картофельное колдовство — пропитание, детей, нужные бумаги, работу... Козни недругов рассыпались, и я всегда выходила сухой из воды. Такова сила моего дара, с ним невозможное становится возможным. Только годы все одно не остановишь, даже моя ворожба не может повернуть время вспять. Мы с вами знаем этот мир, верно ведь? Мы знаем, чем все кончается.

Отец послал наверх шофера, а сам остался ждать внизу. Новый водитель. Стараясь, как обычно, внешне не проявлять ни малейшего интереса, Индия отметила про себя, что муж-

чина очень привлекателен, пожалуй, даже красив; что ему где-то за сорок, и двигается он с такой же грацией, как ее неподражаемый папочка. Так, будто идет по канату. В его лице затаилась боль, он не улыбался, но от уголков глаз его разбежались тонкие морщинки, какие бывают у людей, часто смеющихся. От его возмутительно испытующего, напряженного взгляда ее словно ударило током. Посол не был сторонником форменной одежды, и на водителе была белая рубашка и легкие белые брюки — нечто вроде униформы для всех, кому выпало великое счастье оказаться в одном из самых пропекаемых солнцем штатов. Красавцы и красотки стекались в этот город отовсюду; они прибывали целыми стадами и вызывали жалость: они устремлялись сюда, чтобы страдать, чтобы терпеть унижения, чтобы испытать ужас от того, что их главное достояние — красота — неумолимо падает в цене, девальвируется, словно русский рубль или аргентинская песета; чтобы вкалывать лифтерами, официантками в барах, мусорщиками и горничными. Для них город становился отвесной скалой, на которую они лезли, давя друг друга, словно слепыши-лемминги. Долина у подножия этой скалы слыла долиной разбившихся кукол.

Водитель оторвал взгляд от ее лица и уставился в пол. На ее вопрос он на плохом английском ответил, что родом из Кашмира. Шофер из рая! У нее подпрыгнуло сердце. Волосы его у нее на глазах стали горными потоками, грудь расцвела нарциссами с берегов стремительных рек, яркие маки горных лугов выбились из-под ворота его рубашки, и эхо пронзительной деревенской дудочки — сварнака — донеслось до ее ушей... Чепуха какая-то! Она не фантазерка, она никогда и ни за что не позволит себе унизиться до глупых выдумок. Мир реален. Он таков, какой есть. Зажмурилась, снова открыла глаза — и все вернулось на свои места. Реальность восторжествовала: никаких цветущих лужаек. Обыкновенный шофер терпеливо ожидал ее, придерживая дверцу лифта. Она благосклонно

кивнула. Заметила, что его стиснутые в кулаки пальцы дрожат. Дверь закрылась, и лифт поплыл вниз.

На вопрос, как его имя, он ответил, что его зовут Шалимар. Его английский был очень плох. “Почти невоспринимаем”, — отметила она, подумав, что это выражение он бы точно не понял. У него были прозрачно-голубые, еще светлее, чем у нее, глаза и светлые с проседью волосы. Ей незачем знать историю его жизни. Во всяком случае сегодня. Может, как-нибудь в другой раз она и спросит его, не линзы ли он носит и не красит ли волосы и сам ли он придумал себе такой стиль или его навязал шоферу папочка, который всю жизнь только и делал, что навязывал свои мнения другим, причем делал это с таким шармом, что человеку казалось, будто идея принадлежит ему самому. Ее покойная мать тоже была из Кашмира. Это, по крайней мере, ей было известно о родившей ее женщине. Это — и больше почти ничего (правда, для ее далеко идущих выводов отсутствие сведений вовсе не было помехой). Ее папенька, хоть и имел американское гражданство, так и не обзавелся водительскими правами, но приобретать машины любил. Отсюда — необходимость в шоферах. Они появлялись и исчезали. Все они, само собой, жаждали славы. Однажды около двух недель его возила роскошная молодая особа, однако потом она ушла сниматься в сериалах для домохозяек. Прочие иногда мелькали в подтанцовках. По меньшей мере двое — один мужчина и одна женщина — сделали себе карьеру в порнофильмах: в гостиничных номерах, где она частенько ночевала, ей доводилось видеть их обнаженными на экране. В гостинице она смотрела порно. Это помогало ей заснуть. Правда, дома она тоже смотрела порнофильмы.

Шалимар родом из Кашмира спускался в лифте вместе с нею. Он законно в Штатах или нелегал? Есть ли у него лежащие документы? Есть ли вообще водительские права? Почему его наняли? Большой ли у него член? Достаточно ли большой, чтобы стоило на него взглянуть как-нибудь в сня-

том на ночь номере? Отец спрашивал, какой подарок ей хочется. Она взглянула на шофера, и на какой-то миг ей захотелось стать такой женщиной, которая могла бы себе позволить задать ему непристойные вопросы (прямо здесь и сейчас, спустя всего несколько минут после знакомства), которая могла бы себе позволить говорить непристойные вещи красивому мужчине, зная при этом, что он не поймет ни слова и будет лишь почтительно улыбаться и согласно кивать, не имея представления о том, на что соглашается. Вставлял он когда-нибудь в задницу или нет? Ей хотелось видеть его улыбку. Она вообще перестала понимать, чего хочет. Но нет, неправда — она хотела делать документальные фильмы. Послу полагалось бы и самому знать это, нечего было у нее выпытывать — ведь так? Или привез бы ей слона, чтобы она каталась на нем по бульвару Уилшир, а мог бы показать ей Ангкор-Ват или Мачу-Пикчу или заняться скайдайвингом. Или съездить в Кашмир...

Ей уже двадцать четыре. Ей хочется иметь дело с жизнью, основанной на фактах. Ей нужна реальность, а не фантазии. Одни адепты веры, жутковатые мечтатели, не давали предать земле труп аятоллы Хомейни, другие, такие же, только из далекого прошлого и иной страны, в честь которой ее назвали, — Индии, пытались откусить хотя бы крохотный кусочек от тела Франциска Ксаверия. Одна часть его в конце концов оказалась в Макао, другая — в Риме. Ей хотелось светотени, полутонов. Ей хотелось дойти до самой сути, добраться до самого ядра, до слепящего света, прорвать его девственную оболочку и взглянуть наконец-то на эту долбаную потаенную правду. То, что не было скрыто, что лежало на поверхности, являло собой обратную сторону правды и было ложью. Она хотела, чтобы у нее была мать. Она хотела, чтобы отец рассказал ей о матери, показал ее письма, ее фотографии, хотела посланий с того света, хотела узнать всю историю ее жизни. Не понимала она, чего ей хотелось. Ей хотелось есть.